

Р. Н. ИВАНОВ-РАЗУМНИК

Изысканный жираф

Н. Гумилев, верный рыцарь и паладин «чистого искусства». В наше безбумажное время так приятно взять в руки книжку, напечатанную тонким шрифтом на бумаге чуть ли не «слоновой»: «Мик», *африканская поэма*. Слоновая бумага, к тому же, вполне гармонирует с содержанием африканской поэмы: на страницах ее то и дело проходят перед нами слоны, бегемоты, павианы и прочие исконные обитатели стилизованных лесов Африки. Стилем средним между лермонтовским «Мцыри» и бушевским «Максом и Морицем»¹ автор живописует, как

Неслись из дальней стороны
Освирепелые слоны.
Открыв травой набитый рот,
Скакал, как лошадь, бегемот,
И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат...

Здесь чувствуется, конечно, не только лермонтовский захват, но и самобытное творчество: там — «пустыни вечный гость, могучий барс», здесь — рогатая кошка. Не потому ли, кроме «Мцыри», здесь вспоминаются и классические строки из «Детского зверинца в 48 картинках»:

Есть зверей рогатых много
И в пустыне, и в лесу;
Но из всех — у носорога
Одного рог на носу.

А когда два героя поэмы, мальчики Мик и Луи, негритенок и француз, бегут в пустыню (точь в точь как Мцыри!) и испытывают ряд приключений в африканских лесах, предводимые павиа-

ном, то радостно приветствуешь старых детских знакомых, вспоминая рассказ о приключениях и шалостях,

Wie zum Beispiel hier von diesen,
Welche Max und Moritz hiessen *.

Конечно, замысел автора отнюдь не юмористический, а самый что ни на есть «романтический»: мальчик Луи охвачен неудержимым стремлением за пределы предельного; сделавшись царем павианов, он не удовлетворяется этим высоким достижением, он желает стать царем леопардов, а, быть может, и рогатых кошек — и погибает, оплакиваемый Миком:

«Зачем, зачем, когда ты пал,
Ты павиана не позвал?..»
Завыл печальный павиан,
Завыла стая обезьян...

Так услаждает нас автор чистым и глубоким искусством, не запачканным повседневностью и современностью: поэма являет собою пример и образец того искусства (чистейшей воды!), которому должен верно служить поэт, поклоняясь вечному, а не временному, что бы ни творилось вокруг. Старый мир рушится; новый рождается в муках десятилетий; А. Блок, А. Белый, Ключев, Есенин откликаются потрясенной душой на глухие подземные раскаты, — какое паденье! какая профанация искусства! И утешительно видеть пример верности и искусству, и себе: в годы мировой бури поэт твердой рукой живописует нам, как Дух Лесов сидит «верхом на огненном слоне» и предается невинному развлечению:

То благосклонен, то суров,
За хвост он треплет рыжих львов.

Обидно было бы за поэта, если бы эти образы чистого искусства таили в себе иносказанья, если бы «огненный слон» вдруг оказался, например, символом революции, а «рыжие львы» — политическими партиями. Но мы можем быть спокойны: прошлое Н. Гумилева является ручательством за его литературное настоящее и будущее. Десятилетием раньше, в годы первой русской революции, этот начинающий тогда поэт, верный сладостной мечте², рассказывал в книжке стихов «Романтические Цветы» все о том же, о том, как

* Вот сейчас мы расскажем
О тех, кого звали Максом и Морицем (нем.) (ред.).

Далеко, далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф³.

Этот «изысканный жираф» поистине символичен, он просовывает шею из-за каждой страницы стихов Н. Гумилева. Мы можем быть спокойны: искусство стоит на высоте. Пусть мировые катастрофы потрясают человечество, пусть земля рушится от подземных ударов: по садам российской словесности разгуливают павианы, рогатые кошки, и, вытянув длинную шею, размеренным шагом «изысканный бродит жираф».

1918

